

В МИРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Н. С. Чижев¹

Тюменский государственный университет

МЕТАФИЗИКА ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ С. КОМАРОВА 1970-Х – НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ

В статье, исследующей любовную лирику тюменского поэта С. Комарова, показано, как лирический герой, переживая духовное и физическое единение с возлюбленной, выходит за границы эмпирического опыта и открывает универсальную целостность мира, осознание причастности к которой позволяет ему преодолеть противоречия индивидуального существования и ценностно самоопределиться. Обосновывается включенность метафизических исканий поэта в контекст русской модернистской традиции.

Ключевые слова: С. Комаров, любовь, метафизическое, мир, целостность, бытие.

N. S. Chizhov

Tyumen State University

METAPHYSICS OF LOVE IN THE LYRICS BY S. KOMAROV 1970-S – EARLY 1990-IES

Love poetry by S. Komarov is analyzed in this article. It is determined that the lyrical hero in the poems by the Tyumen poet, experiencing spiritual and physical unity with his beloved, goes beyond the borders of empirical experience and opens the universal integrity of the world, the realization of the involvement in which allows him to overcome the contradictions of individual existence and self-determination of value. Inclusion of metaphysical searches of the poet into the context of Russian modernist tradition is substantiated.

Key words: S. Komarov, love, metaphysics, world, integrity, being.

¹ Николай Сергеевич Чижев, кандидат филологических наук (Тюмень).

В конце 1970-х-начале 1980-х годов, когда С. Комаров начинал творческий путь, тюменские поэты, находясь в отдаленности от литературной метрополии (Москва и Ленинград), где проходили активные процессы по восстановлению прерванной традиции и формированию новых оснований поэтического письма, преимущественно ориентировались на образцы доступной для широкой аудитории поэзии классических, модернистских и советских авторов. Так, близкие, скорее дружески и поколенчески, чем эстетически, С. Комарову поэты В. Белов и В. Захарченко (вместе с их стихотворениями были опубликованы первые две книги стихов поэта) формировались под отчетливым влиянием «тихой лирики». Для выходцев из сельской глубинки подключение именно к этой поэтической традиции было естественным и закономерным. Усвоенное поэтами с детства ощущение единства человеческого и природного, объективированное в лирических воспоминаниях о малой родине в городской среде, открывало возможности для постижения силами художественного творчества бытия в национальном масштабе. В то же время духовное родство с национальным, всеобщим становилось опорой для разрешения возникающих у поэтов пороговых вопросов, вызванных открытием экзистенциальной бездны человеческого существования. Балансирование между этими онтологическими переживаниями создавало необходимую динамику и событийные границы лирических сюжетов и приводило к актуализации элегической эмоции как ведущего жанрового начала в раннем творчестве В. Белова и В. Захарченко. Но если для В. Захарченко духовный ориентир малой родины остается аксиологическим центром и в поздней лирике, обретающим еще большее космоизирующее значение вследствие усиления национального самосознания поэта, то для зрелого В. Белова, «в силу жизненных драматических обстоятельств» (поэт с детства был прикован к инвалидному креслу), предчувствия ранней смерти (поэт умер в возрасте 33 лет), «катастрофичность мироздания» становится «почти абсолютной» [Комаров, 2003, с. 15-16].

Стихотворения С. Комарова конца 1970-х – начала 1980-х годов, подобно раннему творчеству В. Белова и В. Захарченко,

преимущественно выражают переживание лирическим героем переоценки ценностей как реакции на проблемы индивидуального существования: «И мир не так уже суров / в своих законченных виденьях, / в своих пронзительных забвеньях, / и ты вдруг входишь в поколение / и рвешься к ясности основ» [Комаров, 2005, с. 22]. При этом С. Комаров ищет опору в противостоянии Хаосу бытия, в том числе воплощенному в трагической истории XX века, не столько в духовной целостности национальной культуры, как у рассмотренных выше тюменских поэтов, сколько в интимной камерности внутреннего мира лирического сознания и его онтологических ресурсах. Нужно отметить, что обычно лирический сюжет в данных стихотворениях разворачивается не только в сфере стремящегося к гармонии сознания субъекта высказывания, но и в сфере стихийной целостности бессознательного (чаще всего в образах сна), приобщающего его к универсальному бытию, где сняты противоречия человеческой жизни: «И пусть солдат, лицо закинув, / еще не верит, что убит, / в тьму опрокинувшись на спину, / на облака. Плывут, как сон, / и уплывают, уплывают: / он будет вечен и влюблен / в тебя одну. Так не бывает, / так не бывает – шепчешь ты / и просыпаешься, целуешь / меня в полете темноты...» [Комаров, 2005, с. 11].

Важно отметить, что уже в ранней лирике тюменского поэта становится очевидной парадигматическая ориентированность на воплощение любовно-чувственных переживаний лирического героя. В соответствии с общей онтологизацией поэтического мира чувство к возлюбленной обретает бытийственную объемность и становится идейно-смысловой основой для возникновения в более зрелом творчестве С. Комарова авторской мифологии. На формирование индивидуального стиля интимной лирики поэта оказало влияние творчество поэтов как второй половины (А. Тарковский, Д. Самойлов и др.), так и первой трети XX века, в частности любовные стихи А. Блока и В. Маяковского. В стихотворении «Ты вернешься – я знаю», например, ощущается воздействие художественного опыта В. Маяковского, что прослеживается и в выборе эпиграфа из поэмы «Про это», и в записи стихов с разрывом («лесенкой») после второй стопы урегулированного пятистопного анапеста, и в особой

динамичности высказывания, обусловленной ритмико-интонационными особенностями текста, и в сюжетном своеобразии, направленном на раскрытие темы любви. Лирический герой стихотворения С. Комарова, стремясь обрести целостность в единстве с возлюбленной, проходит, как и герой поэмы «Про это» в поисках личной и в то же время вселенской любви и всеобщего единения людей в качестве праобраза будущих преобразований в мире, через смерть и воскрешение: «И поднимет меня, вновь поднимет незримая сила, / и глаза поплывут вновь, и будет стекло вместо щек, / и услышу: счастливцев, здесь будут могилы, могилы, / ты не знаешь еще – улетай! – ты не видишь еще!» [Комаров, 2005, с. 15].

Воспроизводя архетипический комплекс метафизического переживания любви, которой, как показал Н. Бердяев, «присущ глубокий внутренний трагизм» [Бердяев, 1991, с. 273] и связь со смертью, С. Комаров погружает читателя в бессознательную сферу коллективной памяти, где будущее и прошлое, смерть и рождение существуют одновременно и являются равнозначными в возможности воплотиться в судьбе человека: «И из тьмы вдруг наш сын, наш ребенок на свет закричит. / Закричит на всю ночь, на весь день, на весь мир зазвенит он, / и горластей его не отыщешь трибуна – ищи! / На железный огонь закричит, что на тоненькой нити / держит маленький мир и небесные наши плащи». Завершается пребывание субъекта высказывания по ту сторону бытия возвращением на «грешную землю» [Комаров, 2005, с. 15] и утверждением, далеким от футуристических преобразований мира, ценности жизни в настоящем времени («Ничего, – закричу, – кроме жизни на ней, не приемлю») [Комаров, 2005, с. 16]), заставляющим вспомнить знаменитые стоические и примиряющие лирического героя с миром стихи А. Блока: «Узнаю тебя жизнь! Принимаю! / И приветствую звоном щита!» [Блок, 2010, с. 169].

В стихотворениях поэта конца 1980-начала 1990-х годов происходит усложнение мировосприятия лирического героя: с одной стороны, мир для него предстает сквозь призму осознания неотделенности себя от трагического опыта старших поколений, прошедших через апокалипсис двух мировых войн и бремя существования в тоталитарном государстве: «И век вокруг,

повязанный сетями / экранов, проводов, железных чудищ,/концлагерей, слывущих государством,/прав и свобод, пропахших кровью» [Комаров, 1996, с. 117]. Поэтому лирический субъект в программном стихотворении поэта, адресуя свое послание XX веку, называет его «моим» и трезво оценивает катастрофический масштаб прошлого, стремясь разделить общую судьбу с другими людьми, поколениями: «Я не страшась смотрю в твое лицо, / Я вижу все и понимаю в меру, / и оправдания я не нахожу/ни лжи, ни истреблению народов, / ни каждодневному самообману» [Комаров, 1996, с. 113].

С другой стороны, в стихотворениях С. Комарова мир лирическому сознанию открывается в своей целостности, первозданности, к которому он становится «причислен» [Комаров, 1996, с. 129]. Причем именно половая любовь становится источником онтологических изменений в сознании героя: равнодушный объективный мир преобразуется и становится для него близким, родным, интимным, достоверным, открытым, а значит, и истинным (в рамках неклассического дискурса): «И уже не унять неумелой тоски / первой встречи с нагим, / ровно дышащим миром» [Комаров, 1996, с. 119]. Данное событие является сюжетообразующим для многих стихотворений поэта: например, в тексте «Мир не жесток, он равнодушен» субъект высказывания проходит путь от отстраненного взгляда на мир, где «никто никому не должен», до осознания семейной близости к нему и другим людям по праву родственной связи: «Мир не жесток, и мы его дети, / он каждому предлагает жить, / и каждый не в силах отказаться» [Комаров, 1996, с. 146]. Но не всегда поэту важно показать динамику мировосприятия лирического героя – во многих текстах духовная трансформация субъекта остается в контексте, а событие сосредотачивается на описании «рождения» мира в объятиях одухотворенного счастья влюбленных: «И сердце ветрено дрожит, / пути воздушны, полны страсти. / Красив и требует участия,/мир, словно женщина, открыт» [Комаров, 1996, с. 151].

Особый онтологический статус половой любви в стихотворениях С. Комарова, постулирующий духовное единство «я» и «ты», открытие лирическим героем творческой энергии Эроса,

способной победить личный эгоизм, например путем притяия субъектом другого в чувственном опыте возлюбленной как равного себе («Да будет этот мир храним/Тобой, и мной, и тем другим» [Комаров, 1996, с. 134]), и преодолеть конечность человеческой бытия («что не властно тленье надо мною – / над душой, любимую тобою, / над душой, живущею тобой» [Комаров, 1996, с. 132]), приближает (возможно, через призму творчества А. Блока) эстетический опыт поэта к традиции русской метафизики любви, идущей от Вл. Соловьева и Н. Бердяева: «Ведь смысл любви (не родовой любви) в мистическом ощущении личности, в таинственном слиянии с другим как своей родной полярной и вместе с тем тождественной индивидуальностью» [Бердяев, 1991, с. 243]. Неслучайно в образе возлюбленной лирического героя узнаются архетипические черты Вечной Женственности, души мира, порой как бы проговоренные случайно, ненароком, включенные в один образный ряд с вполне земными, если не сказать житейскими, характеристиками адресата любви: «Да будет все благословенно, / Что с сердцем связано твоим. / *Да будет этот мир храним / Твоим пришествием смиренным*, // Твоей мечтою – вот наш дом, / Твоим внезапным "милый, нежный", / Твоей издевкою небрежной / И неуверенным умом» [Комаров, 1996, с. 133].

С точки зрения обозначенных особенностей эстетики поэта особый интерес представляет стихотворение «Мы не хотим мальчика...», где лирический герой описывает интимную и духовную близость с возлюбленной, что становится опытом метафизического обретения лирическим «я» индивидуальной целостности, включенным как мистериальное начало в космологический процесс преображения (обновления) мира. Выбранные поэтом ритмико-строфические параметры текста (верлибр – отсутствие рифмы, упорядоченных по размеру и длине строк) позволили максимально приблизить поэтическое высказывание к эмоциональной тональности интимного общения влюбленных: «Не вскрикивай так отчаянно, / я тебе верю. Господи!». Своеобразный (непросодический) ритм стихотворения возникает за счет композиционной организации текста: последовательным переключением высказывания лирического субъекта с точки зрения непосредственного участника события, описывающего интимные

подробности встречи с возлюбленной и рефлексующего по данному поводу, на точку зрения всеведущего наблюдателя: «А мальчик так хочет родиться, / а девочка так хочет родиться, / и хочется им еще / сестренку или братишку / <...> Ты берешь меня за затылок, / и с шеи бегут мурашки, / их много-много, / и бегают они быстро, / ты ведь знаешь это. / Ресницы наши сцепились, / и тонкий запах играет на щеке» [Комаров, 1996, с. 150]. Такие композиционные переключения создают условия для более глубокого погружения читателя во внутренний мир текста, становятся эстетическим воплощением ритмичности учащенного дыхания и циклической упорядоченности физической близости влюбленных и вынуждают реципиента, переходя с внешне активной позиции на позицию непосредственного участника эстетического события, актуализировать собственный жизненный опыт.

Не менее интересна пространственно-временная организация стихотворения: с одной стороны, событие отчетливо разворачивается во временной (фабульной) перспективе – от встречи двоих в интимном пространстве комнаты («Ветерок прыгает в окно, / ползет по полу, по стене, / смешной-смешной / как задранный подбородок») до прощания их на вокзале. С другой стороны, процессуальность чувственно-эротического единения любовников в восприятии лирического героя обретает всеобъемлющий характер, простирается на внешнее пространство (можно сказать, поглощает его) и нивелирует линейную необратимость времени: «Я провожу тебя на вокзал, / мы будем стоять и прощаться. / Не торопись. Медленнее, / медленнее, еще, еще». За счет замкнутого хронотопа интимной лирики внутренний мир стихотворения С. Комарова приобретает идиллические черты: «Хорошо бы поехать на лошади, полежать на стогу» [Комаров, 1996, с. 151]. Для идиллии (в том числе и любовной), как показал М.М. Бахтин, существенным является «единство места жизни поколений», что «ослабляет и смягчает все временные грани между индивидуальными жизнями и между различными фазами одной и той же жизни» и приводит в конечном счете к «созданию <...> циклической ритмичности времени» [Бахтин, 2012, т. 3, с. 473]. Показательным в этом плане является

реализация ключевого мотива в тексте, отражающего общую динамику духовных преобразований в сознании «я» и «ты»: «Мы не хотим мальчика, / мы не хотим девочку, / нам просто хорошо вдвоем» – «А мальчик так хочет родиться, / а девочка так хочет родиться» (2 раза) – «И хочется им еще / сестренку и братишку» (2 раза) – «*И мы – как брат и сестра, / ты помнишь наших родителей, / пусть разные, но они наши, / разве так не бывает*» [Комаров, 1996, с. 150-151].

Однако духовная целостность, братское единение лирического героя и возлюбленной не может прочитываться только в контексте идиллической гармонии, где половая любовь является выражением родового (по сути – безличного) начала, побеждающего смерть деторождением [Бердяев, 1991, с. 248], поскольку в стихотворении есть указание на другой контекст: «Ты читала толстые книги / Толстого? – раньше все их читали» [Комаров, 1996, с. 150]. Именно о всемирном братстве людей, возможном путем активизации у каждого человека всеохватывающей духовно-нравственной любви ко всем, помышлял Л.Н. Толстой: «Что же любить? И ответ один: любить всех, любить начало любви, любить любовь, любить Бога. Любить не для того, кого любишь, не для себя, а для любви. Стоит понять это, и сразу уничтожается все зло человеческой жизни и становится ясным и радостным смысл ее» [Толстой, т.18, 1913, с. 234-235]. В этом плане включение в конце стихотворения мира в один ассоциативный ряд с тем, что относится к дискурсу влюбленных (в том числе и «толстые книжки Толстого»), может указывать на выход лирического субъекта к новым горизонтам индивидуального существования: осознанию истины всеобщей любви и приобщению к целокупности бытия: «Мир – как вокзал, / как задранный подбородок, / смешной-смешной, / как толстая книжка, / раньше все их читали, ты ведь знаешь это, / и нам хорошо с тобой» [Комаров, 1996, с. 150-151]. В то же время в толстовском учении отвергалась возможность метафизического понимания половой любви, тем более эротической ее стороны, как творческой энергии, преобразующей божественным светом человека и приближающей к единству людей, поскольку писатель считал, что «идеал христианина есть любовь к богу и ближнему, есть отречение от себя для служения богу и ближнему; плотская же любовь, брак, есть служение себе и потому есть, во

всяком случае, препятствие служению богу и людям, а потому с христианской точки зрения – падение, грех» [Толстой, т.12, 1982, с. 206].

Торжество страстной, грешной, по убеждению Л.Н. Толстого, половой любви, приводящей ни к чему иному, как смерти, описывается во многих произведениях писателя, в том числе и в «Анне Карениной», главная героиня которой, по собственному признанию, не могла «быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки» [Толстой, т.9, 1982, с. 358]. Для нас важно, что развязка истории любви Карениной и Вронского происходит именно на вокзале, важнейшем топосе и для рассматриваемого стихотворения, что «относится к числу тех весьма излюбленных литературой участков бытия, которые принято называть пограничным хронотопом». На этом перекрестке судьбоносных встреч, разлук, потенциальных возможностей и несбывшихся ожиданий, как показал, «прибегнув к известной формуле М. Бахтина» [Скляр, 2008, с. 26], О.Н. Скляр, «совершается кризис, радикальная смена», где «переступают запретную черту, обновляются или гибнут» [Бахтин, 1972, с. 291].

Наряду с «Анной Карениной», кризисная семантика вокзального хронотопа раскрывается в творчестве многих классических и неклассических авторов, например: «Станционный смотритель» А. Пушкина, «На железной дороге» А. Блока, «Госка вокзальная» И. Анненского, «Вокзал» Б. Пастернака, «Концерт на вокзале» О. Мандельштама и др. Отдельно хотелось бы выделить стихотворение В. Белова «Вокзальная элегия», поскольку оно относится к ближайшему контексту стихотворения С. Комарова. В откровении находящегося в кризисном состоянии духа лирического героя, обращенном к возлюбленной, мир, как и в «Мы не хотим мальчика», уподобляется вокзалу: «Любовь моя, я так устал / От доброты с недобрый миром, / Жить по чужим пустым квартирам / И домом называть вокзал... / Не умер я, но умираю, / И знаю цену этой жизни, / И прихожу к последней мысли, / Что мир – на всех один Вокзал». У обоих поэтов образ мира раскрывается в сопоставлении с образами, непосредственно связанными с личной сферой субъекта высказывания: но если в тексте С. Комарова мир-вокзал, как было

показано, преобразуется в метафизическом единстве «я» и «ты», воплощенном на образном уровне в форме ассоциативного ряда, то у В. Белова вокзал в трагическом мировосприятии лирического субъекта становится как личным, так и национальным (может быть, общечеловеческим) «тупиком Истории» [Белов, 1996, с. 37]. Показательна сквозная рифма в тексте к слову «вокзал» как описание в глагольных лексемах прошедшего времени жизненного пути поэта, заплатившего во многом собственной жизнью за стихи [Комаров, 1996, с. 6]: «устал» – «умирал» – «промотал» – *<прости, что многое>* «сказал» – «вокзал» [Белов, 1996, с. 37].

Воплощенная С. Комаровым в стихотворении чувственно-эротическая творческая энергия, способная преобразить мир, кроме того, отсылает к мистериальным практикам, где оргийная составляющая мифоритуала символизировала животворящую силу, претворяющую Хаос в Космос (сравним с семантикой обновления вокзального хронотопа). На сакральность произошедшего в сознании лирического героя онтологического переворота также указывает последняя строка стихотворения: «Господи! Я тебе верю» [Комаров, 1996, с. 151]. С одной стороны, практически дословно повторенная лирическим субъектом эта фраза адресуется возлюбленной (ср.: «я тебе верю. Господи!» [Комаров, 1996, с. 150]), а с другой стороны, инверсия выводит в ней на первый план прямое, как будто во время молитвы, обращение к Создателю. В результате условно-поэтическая модальность интенции лирического субъекта, оформленная сравнительными оборотами к лексеме «мир», обретает субстанционально-мифологическое значение как утверждение в провиденциальном откровении «здесь и сейчас», неотделенное от самой жизни, совместно с читателем (соучастником события) открывшееся единство с миром, Богом и другими людьми.

Таким образом, любовь в стихотворениях С. Комарова 1970-х – начала 1990-х годов представляет собой метафизический феномен: в мистериальном переживании интимного и духовного единения с возлюбленной лирический герой расширяет горизонты собственного существования и утверждает «онтологический образ мира» [Плеханова, 2001, с. 3], в сопричастности к которому происходит его ценностное самоопределение. Кроме того, через метафизические искания поэт включается сознательно или через каналы культурной

памяти в диалог с предшествующими поэтическими и религиозно-философскими традициями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин, М. М. Собрание сочинений: в 7 т. / М.М. Бахтин. – Москва: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. – 880 с.

Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1972. – 470 с.

Белов, В. Польша и звезды / В. Белов // Поколение покоя: Сборник стихотворений / В. Белов, В. Захарченко, С. Комаров. – Тюмень: Софт-Дизайн, 1996. – С. 8-54.

Бердяев, Н. А. Метафизика пола и любви / Н.А. Бердяев // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков. – Москва: Прогресс, 1991. – С. 232-265.

Бердяев, Н. А. Размышления об Эросе / Н.А. Бердяев // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков. – Москва: Прогресс, 1991. – С. 266-272.

Блок, А. Стихи о прекрасной даме / А. Блок. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. – 256 с.

Комаров, С. О поэтах и прозаиках Западной Сибири последней трети XX века / С. Комаров, О. Лагунова. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 352 с.

Комаров, С. Дефис: Избранные стихотворения 1977-2001 гг. / С. Комаров. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. – 96 с.

Комаров, С. Под немymi небесами / С. Комаров // Поколение покоя: Сборник стихотворений / В. Белов, В. Захарченко, С. Комаров. – Тюмень: Софт-Дизайн, 1996. – С. 113-152.

Комаров, С. «Откуда силы? И откуда свет?» / С. Комаров // Поколение покоя: Сборник стихотворений / В. Белов, В. Захарченко, С. Комаров. – Тюмень: Софт-Дизайн, 1996. – С. 4-6.

Плеханова, И. И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Под знаком бесконечности: эстетика метафизической свободы против трагической реальности. Часть II / И.И. Плеханова. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. – 302 с.

Скляр, О. Н. «Концерт на вокзале» О. Манделштама: пять разборов / О.В. Смирнова, О.Н. Скляр, О.А. Лекманов, А.Ю.

Зиновьева, В.М. Толмачёв // Вестник ПСТГУ: Филология. – 2008. – Вып. 2 (12). – С. 7-58.

Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 24 т. / Л.Н. Толстой. – Москва: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1913. Т. 18. – 322 с.

Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. / Л. Н. Толстой. – Москва: Художественная литература, 1982. Т. 9. – 449 с.

Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. / Л. Н. Толстой. – Москва: Художественная литература, 1982. Т. 12. – 457 с.

REFERENCES:

Bakhtin, M. M. Sobranie sochinenij: v 7 t. / M. M. Bakhtin. – Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. T. 3. – 880 s.

Bakhtin, M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo / M. M. Bakhtin. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1972. – 470 s.

Belov, V. Polyn' i zvezdy / V. Belov // Pokolenie pokoya: Sbornik stihotvorenij / V. Belov, V. Zaharchenko, S. Komarov. – Tyumen': Soft-Dizayn, 1996. – S. 8-54.

Berdyaev, N. A. Metafizika pola i lyubvi / N. A. Berdyaev // Russkiy Eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii / Sost. i avt. vstup. st. V. P. Shestakov. – Moskva: Progress, 1991. – S. 232-265.

Berdyaev, N. A. Razmyshleniya ob Erose / N. A. Berdyaev // Russkiy Eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii/Sost. i avt. vstup. st. V. P. Shestakov. – Moskva: Progress, 1991. – S. 266-272.

Blok, A. Stih i o prekrasnoj dame / A. Blok. – Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2010. – 256 s.

Komarov, S. O poetah i prozaikah Zapadnoy Sibiri poslednej treti XX veka / S. Komarov, O. Lagunova. – Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 2003. – 352 s.

Komarov, S. Defis: Izbrannye stihotvoreniya 1977-2001 gg. / S. Komarov. – Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 2005. – 96 s.

Komarov, S. Pod nemymi nebesami / S. Komarov // Pokolenie pokoya: Sbornik stihotvorenij / V. Belov, V. Zaharchenko, S. Komarov. – Tyumen': Soft-Dizayn, 1996. – S. 113-152.

Komarov, S. «Otkuda sily? I otkuda svet?» / S. Komarov // Pokolenie pokoya: Sbornik stihotvorenij / V. Belov, V. Zaharchenko, S. Komarov. – Tyumen': Soft-Dizayn, 1996. – S. 4-6.

Plekhanova, I. I. Metafizicheskaya misteriya Iosifa Brodskogo. Pod znakom beskonechnosti: estetika metafizicheskoy svobody protiv tragicheskoy real'nosti. Chast' II / I. I. Plekhanova. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 2001. – 302 s.

Sklyarov, O. N. «Kontcert na vokzale» O. Mandel'shtama: pyat' razborov / O. V. Smirnova, O. N. Sklyarov, O. A. Lekmanov, A. Y. Zinov'eva, V. M. Tolmachev // Vestnik PSTGU: Filologiya. – 2008. – Вып. 2 (12). – С. 7-58.

Tolstoy, L. N. Polnoe sobranie sochinenij: v 24 t. / L. N. Tolstoy. – Moskva: Tip. Tovarishchestva I. D. Sytina, 1913. T. 18. – 322 s.

Tolstoy, L. N. Sobranie sochinenij: v 22 t. / L. N. Tolstoy. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1982. T. 9. – 449 s.

Tolstoy, L. N. Sobranie sochinenij: v 22 t. / L. N. Tolstoy. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1982. T. 12. – 457 s.